

Шпигельберг замечает, кроме того, что Пирс слишком часто модифицирует философские термины внутри собственной системы: феноменология превращается в фанероскопию ввиду дистанцирования от феноменологии Гегеля (наблюдения фактов, а не объяснения); фанероскопия, в итоге, трансформируется в феноскопию, или фанерохимию – «химию» явлений. До конца 30-х гг. прошлого века феноменология не была известна в США, если не брать в расчет того, что фанероскопию Пирса можно называть единственно возможным исключением в этой тенденции, однако нет гарантии, что смысловое содержание учений воспринималось Пирсом в той же мере, что и Гуссерлем.

Фанероскопия вслед за иерархической системой категорий Аристотеля, категориями рассудка Канта и диалектикой Гегеля, пожалуй, обладает схожей философской значимостью, тем более что по прошествии времени не было предложено ничего более универсального. Категориальное учение Пирса необходимо рассматривать в трансформационном соотношении с логикой событий и теорией знаков, но фанероскопия по многим пунктам расходится с феноменологией, в связи с чем называть Пирса феноменологом некорректно.

Примечания

- 1 См.: Mullin A. A. C.S.S. Peirce and E.G.A. Husserl on the Nature of Logic // Notre Dame J. of Formal Logic. 1966. Vol. 7, № 4. P. 301–304.
- 2 См.: Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000. 448 с.
- 3 См.: Пирс Ч. С. Принципы философии : в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. 320 с.
- 4 См.: Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968. 500 с.
- 5 См.: Апель К.-О. От Канта к Пирсу : семиотическая трансформация трансцендентальной логики // Трансформация философии. М., 2001. С. 171–192.
- 6 См.: Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб., 2008. 464 с.
- 7 См.: Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. 464 с.
- 8 См.: Твардовский К. Теория рассуждений // Логос. 1999. № 7. С. 50–66.
- 9 См.: Spiegelberg H. Husserl's and Peirce's Phenomenologies : Coincidence or Interaction // Philosophy and Phenomenological Research. 1956. Vol. 17, № 2. P. 164–185.

УДК [1:81] (4)

ОППОЗИЦИЯ СЕМИОТИЗМ – ОНТОЛОГИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА XX ВЕКА

Н. Ю. Пронина

Саратовский государственный университет
E-mail: pronnat@pochta.ru

В данной статье рассматривается оппозиция семиотизм – онтологизм, отражающая различные подходы к языку в философии XX в. В рамках семиотики, структурализма и постструктурализма усматривается тенденция к определению языка как знаковой системы, основанной на механизмах социально-культурной конвенции и существующей по автономным законам, отличным от природных. В традиции русской философии, напротив, язык имеет неконвенциональное происхождение и обладает самостоятельной онтологией.

Ключевые слова: семиотизм, онтологизм, философия языка, структурализм, знак.

The Opposition Semiotizm – Ontologism in the Philosophy of Language of XX Century

N. Yu. Pronina

In article semiotizm – ontologism opposition reflecting different approaches to the language in the philosophy of the XX century are considered. Author points a tendency to determining language as a sign system based on mechanisms of socio-cultural conventions and existing under the laws of an autonomous, distinct from nature, in the framework of semiotics, structuralism and poststructuralism. In Russian philosophical tradition, on the contrary, the language has unconventional origin, and has an independent ontology.

Key words: semiotizm, ontologism, philosophy of language, structuralism, sign.

Внимание к языку в философии связано с осознанием того факта, что язык является экзистенциалом человеческого бытия, однако при его изучении философия сталкивается с проблемой непрозрачности законов и сущности языка при его непосредственной явленности и доступности. Понимание языка как связующего звена между миром и мышлением, где он выступает как самостоятельный феномен, приводит к необходимости четкого осознания его онтологических возможностей.

В западно-европейской философии антиномии семиотического и онтологического модусов существования языка можно отметить в концепциях У. Эко и М. Хайдеггера. Рассматривая язык как знаковую систему, У. Эко одновременно признает конвенциональную природу кода и объективный статус языка как обуславливающего сознание человека. Исследуя коммуникативные практики, он настаивает на несоответствии кода

отправителя и того, с помощью которого получатель расшифровывает сообщение. В процессе передачи сообщения исходный код трансформируется, приобретает новые свойства, параметры, оттенки, что, по мнению автора, свидетельствует о самостоятельности языка и его потенциальной бесконечности. Концепция У. Эко отличается сопряжением семиотической пролиферации языка в рамках культуры и общества и определенной долей его самостоятельности.

В работах М. Хайдеггера утверждается несоответствие семиотической реальности онтологическому основанию: как пишет автор, в греческой философии знак создавался для указывания, но уже с эпохи эллинизма «возникает знак через фиксацию как орудие для обозначения, посредством которого представление фиксируется и перенаправляется с одного предмета на другой»¹. Так происходит трансформация исходной действительности в самостоятельно оформленную знаковую систему, создаваемую на протяжении всей истории усилиями социально-культурной конвенции и обладающую собственными закономерностями. Как только предмет становится знаком, он теряет присущие ему свойства и обрывает ряд признаков и коннотаций.

По мысли М. Хайдеггера, при внешней разъединенности, переплетенности и запутанности языка его своеобразие покоится в едином основании. Разбиение языка он считает собранием черт той разметки, которая прочерчивает разомкнутое, открытое пространство языка. Так, он усматривает сущность языка в событии сказа, то есть возможности «каза» или «показывания» в языке бытия для прислушивающегося к нему: «Человек, однако, способен говорить лишь поскольку он, послушный сказу, прислушивается к нему, чтобы, вторя, суметь сказать слово»². Таким образом, в понимании Хайдеггера язык имеет неразрывную связь с бытием, в котором смысл языковых выражений предзадан и достигим при помощи процедуры герменевтического толкования, определяющую роль в котором играет индивидуальная экзистенция.

Антиномия семиотического и онтологического подходов к языку имеет эпистемологическое различие. Так, в концепции М. Хайдеггера истинное понимание действительности возможно лишь в своей цельности и при углубленной работе духа, тогда как в семиотической теории инструментарий нацелен на обнаружение в эмпирическом многообразии объектов имманентных абстрактных единств (кода или структуры) для последующей их формализации.

Р. Барт выделяет два типа операций, применяемых в целях семиотического описания действительности: первая – расчленение, посредством которого определяют постоянные, устойчивые признаки, определяющие целостность предмета, но лишённые смысла сами по себе, и вторая – операция упорядочения, определяющего

взаиморасположение и отношения элементов, соотносимость со всеми другими, которые сообщают им значение.

Семиотическому описанию можно противопоставить символическое, являющееся, по замечанию П. Флоренского, выражением духа, которое углубляет внимание и служит осознанию предлежащей реальности. И если относительно объективного научного познания Флоренский пишет, что оно «хочет снять самое явление, растворить его реальность в тех силах и сущностях, которые оно подставляет вместо объясняемого»³, то для символического описания требуется непосредственная связь с описываемой действительностью. Связь эта дана таким образом, чтобы символ оставался имманентным описанию, образуя особую познавательную сущность. В символе утверждена, по мнению автора, неразрывная связь с описываемой действительностью, и в нем сосредоточены «сгустки, уплотнения и кристаллы ее описания»⁴.

В позиции М. Хайдеггера отчетливо выражен онтологический статус языка: «язык – дом бытия», и бытие конституируется в языке, так как, впервые давая имя сущему, назначает его к бытию и, благодаря такому именованию, впервые изводит сущее в слово и явление. Семиотическая интерпретация языка признает его конвенциональную природу, обусловленную договором между членами определенного коллектива, устанавливающим ассоциативные связи акустических образов и смыслов в системе знаков, имеющих психическую природу. Так, язык, по мнению Ф. де Соссюра, представляет собой грамматическую систему, существующую виртуально в сознании индивида, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, при этом язык не существует полностью ни в одном из них, а лишь в коллективе⁵. Язык, таким образом, выступает как система, или структура, представляющая собой совокупность отношений, навязывающих говорящему определенные комбинаторные правила употребления.

Однако система языка может быть представлена как совокупность правил, единожды установленных и неизменяемых, или же как определенная способность к формированию лингвистических последовательностей. Наличие комбинаторного принципа, предоставляющего возможность разнообразных сочетаний, должно свидетельствовать о наличии глубинной структуры, обеспечивающей изменчивость и многообразие изоморфных поверхностных структур языка. Так, Кл. Леви-Стросс, применяя опыт лингвистического анализа к этнологическим данным, поставил задачу обнаружения глубинного сходства эмпирически различных явлений для выявления бессознательной структуры, лежащей в основе каждого социального установления или обычая⁶. Разработанный всеобщий код, по мнению автора, способен выразить общие свойства, присущие каждой из специфических структур, соответствующих от-

дельным областям, и наиболее точно передать их природу. Он имеет вид универсальной структуры человеческого духа, являющейся источником всех возможных семиотических объектов. Открытым общим законам Кл. Леви-Стросса придает статус абсолютных в силу того, что эти системы были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления и носят бессубъектный и трансиндивидуальный характер. В силу этого область неконтролируемого бессознательного языкового пространства приобретает вид онтологической структуры, в которой она через человека и коллективное бессознательное генерирует повехностные проявления случайных воплощений.

Анализ серийного мышления, проделанный У. Эко, выявляет историческое изменение коммуникативных кодов, следствием которых являются формирование новых культурных контекстов, эволюция коммуникативных моделей, закономерно связанных с изменением общественных и социальных структур, организация новых кодов и их постоянная реструктуризация. Так, выявляется противоречие между способной объяснить все формы языка внеисторичной моделью Кл. Леви-Стросса и тем фактом, что при анализе современных культурных практик она эволюционировала до неузнаваемости. Структуралистская методология, выявляющая структуру, ориентируется на исходное постоянство исследуемых объектов, их нормальное, константное состояние, игнорируя факты неустойчивых форм и варианты отклонений. Определяя серийность как отклонение от предшествующих нормальных кодов и их искажение сквозь призму нового мировосприятия, Эко отмечает, что она не просто отрицает исторически сложившуюся структуру, но сама является структурой, непрерывно сомневающейся, саморефлексирующей и в этом поиске глубинных оснований производящей новые смыслы.

Произведение искусства или другое неоднозначное многоплановое сообщение, по мнению У. Эко, представляет собой знаковую систему, которая мыслится как таковая в силу того, что является чистым присутствием. Однако когда смыслы, содержащиеся в сообщении, не раскрыты, этот не поддающийся дешифровке «остаток» новых смыслов оборачивается чистым отсутствием, в котором есть источник открытости смыслов, недоизреченности произведения. Стремление обнаружить структуру какого-либо феномена неизбежно должно привести, как считает У. Эко, к его обнищанию, заострению, отвердеванию. Такой подход находится в оппозиции к интерпретативному и герменевтическому толкованию. Редукция многоплановости и неоднозначности языка к константным структурам не способствует раскрытию его возможностей.

Рассматривая антиномию знака как чистого присутствия, Эко находит его источник не в наличествующей структуре, а в отсутствии таковой. Онтологическое основание языка уступает

место семиотической самостоятельности знака, определяющего развитие культурных и коммуникативных практик. При исследовании структур коммуникации семиотика должна выявлять, по мнению автора, не какую-то залегающую в глубине структуру, а отсутствие структуры, топос непрерывной игры, в котором сосредоточена возможность транспозиции, на основе которой становится возможным построение системы трансформаций⁷. Прерывая онтологическую вертикаль языка М. Хайдеггера, У. Эко тем самым замыкает семиотический универсум, и его научный поиск сосредоточивается на исследовании данного пространства, его внутренних законов и границ. Но знак, в его понимании, имеет семиотическую реальность, тогда как в концепции А. Ф. Лосева выражена иная точка зрения.

Отказываясь от общественно-конвенциональной теории происхождения знака, А. Ф. Лосев различает три вида бытия: бытие материальной действительности и бытие действительности, отраженной в сознании в виде формы или идеи, а также специфическую форму бытия, среднюю между объективно-действительным и мыслительным бытием, а именно – бытие словесное, не сводимое к названному, а отражающее их⁸. Языковой знак отражает ту или иную систему смысловых отношений в мыслимом и независимо от него существующем предмете, но «пользуется этим отражением свободно, произвольно и независимо от объективной истинности отраженной в нем предметной системы отношений», что часто приводит к тому, что язык становится искажением и извращением этой действительности, образуя определенного рода интерпретации бытия⁹.

Обращаясь к исследованию знаков в контексте их возникновения и функционирования, А. Ф. Лосев отмечает, что язык и языковые знаки стихийны в своем возникновении, под которым он понимает «непреднамеренное, самопроизвольное и не содержащее в себе никакой закономерности возникновение»¹⁰. Так, однажды возникшие знаки продолжают и далее стихийно функционировать в бесконечных количествах и комбинациях. Возникнув из отражения действительности и мышления, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои законы, методы, традиции, обладающие природой не прямого отражения, но своего собственного понимания и интерпретации, и становятся условно свободными, условно независимыми, условно самостоятельными.

В работах П. Флоренского также можно отметить антиномию языка в феноменах символа, понимаемого им как бытие, которое больше самого себя, и знака как бытия, которое меньше самого себя. Признавая наличие двух видов бытия, – внутреннего, служащего самоутверждению бытия, и внешнего, способствующего его обнаружению, явлению, раскрытию ноуменального и феноменального, которым соответствуют сущность и деятельность (или энергия), – П. Флоренский

отмечает органическую возможность их взаимоотношения в виде взаимопрорастания энергий, или синэнергии. Их обоюдное открытие происходит в акте взаимооткровения, в результате которого образуется новый феномен, не равный сумме предыдущих, а превосходящий их, т. е. символ. Он, по определению П. Флоренского, представляет собой сущность, в которой сращены энергия феноменального мира и более ценная или значимая ноуменальная, которая в силу потенциальной бесконечности источника предоставляет символу глубину его наполненности. В противоположность символу знак не обладает сопряженной связью с внутренним бытием, а лишь изоморфен ей. Принадлежа к феноменальному миру, он существует в режиме недостатка энергии проявляющейся сущности и вынужден создавать дополнительные формы имитации для компенсации сущностного дисбаланса. Флоренский подчеркивает, что символ и знак обладают онтологической самостоятельностью различной природы и являются инвариантами субъектности и объектности. Знак, таким образом, характеризуется отсутствием онтологической сопряженности с ноуменальным бытием и выражает преимущественно феноменальную сторону бытия.

Таким образом, в результате компаративного анализа рассмотренных концепций можно выделить два самостоятельных модуля языка: семиотический и онтологический. Онтологическая направленность языка связана с тем, что язык имеет неразрывную связь с бытием, свидетельствующую о возможности антиномического единства ноуменального (сущности) и феноменального (явленности) в символе, реализующегося благодаря

духовной активности человека. Семиотическая реальность языка свидетельствует о культурно-социальной обусловленности человека при его нацеленности на объективную данность вещей, а не на духовное их постижение. Однако, несмотря на конвенциональную теорию возникновения знака в концепциях семиотики, язык, при его оторванности от онтологического основания ноуменального бытия и не имеющий его направляющей силы, обретает феноменальную самостоятельность и его развитие задается онтологией меонической реальности. В результате возникает семиотический универсум отражений реальности, постоянно преобразующийся, расширяющийся в потенциальную бесконечность значений не истинных, но искаженных.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 261.
- ² Там же. С. 272.
- ³ Флоренский П. У водоразделов мысли // Флоренский П. Имена : сочинения. М., 2006. С. 96.
- ⁴ Там же. С. 98.
- ⁵ См.: Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.
- ⁶ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 30.
- ⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. 544 с.
- ⁸ См.: Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М., 1982. С. 89.
- ⁹ Там же. С. 95.
- ¹⁰ Там же. С. 72.

УДК 316.3

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК СУБСТАНЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена анализу феномена телесности социального бытия; особое внимание уделяется проблеме трансформации телесности в современном мире, вызванной процессами виртуализации.

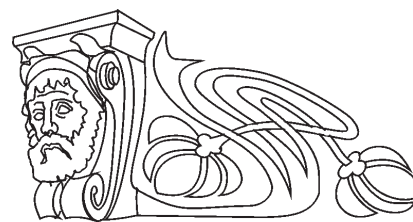
Ключевые слова: социальность, общественное бытие, субстанция, телесность, социальное тело.

The Corporality as a Substance of the Sociality

D. M. Sokolova

This article is devoted to analysis of the corporality phenomenon of the social reality. The author gives special attention to a problem of the transformation of a corporality in the modern world. The cause of this transformation is the processes of the virtualization.

Key words: sociality, social being, substance, corporality, social body.

В социально-философских построениях современности значительный интерес уделяется проблемам телесности и социальной топологии¹. Социальное в них отождествляется с Абсолютом, а последний, в свою очередь, рассматривается как равный сознанию, языку, бытию, обществу и телу². Описание социальной реальности в терминах телесности, с одной стороны, опровергает установку на утверждение превосходства сознания над телом, свойственную классической философии, а с другой – ставит под сомнение абсолютизацию концепции коммуникативной социальности, согласно которой общественная жизнь в большей степени зависит от характера коммуникаций и взаимодействия, связывающих